

Глава 30. Метель

Война наконец докатилась до округа Вэньцзинь.

Мэнцзи продержался на удивление долго — целых четыре дня, прежде чем пасть. Дав себе полдня на передышку, мятежники соединились с отборными отрядами, преграждавшими путь от Вэньцзиня к префектуре Ниншань, и завершили запоздалое окружение.

Что же до префектуры Ниншань, важнейшей житницы династии, её войска всегда держали глухую оборону и никогда не выступали на помощь соседям.

При дворе поднялся невообразимый гвалт. Наспех собранное отовсюду подкрепление неизвестно когда ещё выдвинется к Вэньцзиню, да и сможет ли оно одолеть армию мятежников — большой вопрос.

Округ Вэньцзинь погрузился в хаос. Вэйшэн ушёл на рассвете, заставив Цан Доушаня провести всё утро в мучительном ожидании. Сам же виновник вернулся как ни в чём не бывало — весёлый, с визжащим поросёнком под мышкой и набитой доверху сумкой-хранилищем.

— Что ты опять приволок?!

— Снаружи такое творится! Куры, свиньи, овцы — всё без присмотра бегают. Грех было не забрать! — Вэйшэн, ничуть не смущаясь, бросил сумку, прижал хрюкающего заморыша к скамье и одним ударом ладони оборвал его визг. — Сегодня у нас на ужин молочный поросёнок. Живее, ставь воду!

Цан Доушань вытряхнул содержимое сумки и обомлел. Чего там только не было: гора свежих овощей, копчёный свиной бок, варёные куры, вяленое мясо, домашние колбасы... И вдобавок — изящная посуда, драгоценности и даже массивная деревянная мебель, явно стоившая баснословных денег. Отшвырнув опустевшую сумку, он вскипел:

— Ты что, грабить пошёл?!

— Да те усадьбы давно опустели! Хозяева всё побросали! — упрямо огрызнулся Вэйшэн, но тут же сбавил тон, обнял его за плечи и заискивающе улыбнулся: — Ладно тебе, не веришь — пойдём наружу, сам посмотришь. Богатеи сбежали, оставив кучу добра, и сейчас там все гребут что под руку повернётся. Я лишь прихватил самую малость. Раз хозяева бросили, то почему бы не взять?

Цан Доушань недовольно оттолкнул его:

— Что за дурацкая логика! Они разве объявляли, что вещи им больше не нужны?

— А если нужны, то почему оставили?

Цан Доушань на миг лишился дара речи от такой наглости. Вэйшэн тут же бесцеремонно ухватил его за щёки и принялся тормошить:

— Брось, в такие времена не до приличий, молодой господин. Поросёнка-то жареного хочешь?

Цан Доушань упрямо надулся и промолчал.

— Ладно, пойду пока займусь водой, а ты потом подсобишь, — уступил Вэйшэн. Притащив от колодца два ведра, он развёл под котлом огонь.

Спустить кровь, ошпарить кожу, обобрать щетину, выпотрошить... Вэйшэн ловко распластал тушку по хребту и тщательно её промыл. Он хлопотал у костра с превеликим удовольствием. Цан Доушань поначалу сидел с насупленным видом, но стоило коже насаженного на вертел поросёнка заскворчать и подернуться аппетитным золотом, как его стойкость дала трещину. Готовое жаркое сочилось ароматным соком, а нежнейшее мясо буквально таяло во рту.

— Не хмурься ты так, а то морщинами покроешься раньше времени! На, держи хрустящую корочку.

— Не буду я шкурку!

— Ну тогда держи ребрышко. Я его ещё и кунжутом посыпал, чувствуешь аромат?

И правда пахло невероятно... С аппетитом разжёвывая нежное, легко отходящее от кости мясо, Цан Доушань с досадой думал: «Вечно этот проходимец так делает! Стоит начать взывать к его совести, как он тут же суёт мне под нос еду. Какое бесстыдство!»

В ту же ночь мятежники прорвали оборону и ворвались в город.

Десятки тысяч мятежников хлынули на улицы нескончаемым потоком, а за их спинами чернела живая лавина монстров. Для солдат и диких тварей началось безумное пиршество: грабежи, резня и пожирание заживо.

Подпол надёжно скрывал их, но со звукоизоляцией дела обходили хуже. Прятавшиеся внизу всем телом осязали каждый толчок наверху, а пронзительные крики несчастных резали слух, точно ржавая пила.

В такой обстановке не то что уснуть — даже сосредоточиться на медитации было немыслимо.

Они сидели, тесно прижавшись друг к другу. В разрушенную Обитель Бессмертного Чайника на поверхности ворвался огромный зверь. От каждого его шага с потолка погреба сыпалась земляная пыль. К счастью, защитный массив имитировал глухие вибрации монолитного грунта, так что снаружи невозможно было заподозрить пустоту под ногами.

— Выдержит? — спросил Цан Доушань, поддерживая барьер, укрывавший их постель от грязи. Всё остальное пространство в подвале уже покрылось плотным слоем пыли, сделавшись серым и безжизненным.

— Обязательно выдержит. Стал бы я шутить собственной шкурой?

— Но почему тогда земля так сыплется?..

— Я тебе не потомственный каменщик, так что для любителя работа отличная, — хмыкнул Вэйшэн, а затем без тени смущения добавил: — Да и вообще, у нас же есть Чайник, Вмещающий Небеса. Если всё рухнет, просто переждём внутри.

—... Можешь ты хоть раз быть посерьёзнее?

— Я предельно серьёзен! — Вэйшэн покрепче прижал его к себе прямо через одеяло. — За несколько дней мы зашибли больше десяти миллионов монет. Этого с лихвой хватит, чтобы обосноваться в столице. Не верю, что у старого мерзавца Хуана руки дотянутся туда.

Чудовище окончательно превратило Обитель Бессмертного Чайника в бесформенные руины. Так и не найдя добычи, оно разочарованно взревело и тяжело побрело прочь. С каждым его шагом гул затихал, пока подземелье наконец не погрузилось в тишину.

Цан Доушань снял барьер и растерянно оглядел засыпанную серой пылью комнату. Вэйшэн же преспокойно завалился на бок:

— Оставь. Завтра, когда всё утихнет, приберёмся. Сейчас тронешь — задохнемся в этой пылище.

Подумав, что тот прав, Цан Доушань тоже лёг.

Уснуть им, однако, не удалось: грохот взрывов и душераздирающие вопли на поверхности гремели не умолкая.

Он отчётливо слышал частый стук собственного сердца. Каждый новый крик заставлял его сжиматься, пока страх и боль наконец не притупились, сменившись глухим оцепенением.

Он думал: мучает ли когда-нибудь совесть тех великих мастеров, что затеяли всё это?

Наверное, нет.

Он пролежал без сна до самого рассвета, когда снаружи наконец воцарилось мёртвое безмолвие.

Вэйшэн полез наверх на разведку. Цан Доушань ждал внизу, со страхом прислушиваясь к каждому шороху. Он панически боялся, что сверху внезапно покажется лапа чудовища и раздавит их в лепёшку.

— Вэйшэн? Вэйшэн! — позвал он негромко.

Ответа не последовало. Пыль в подполье едва заметно колыхнулась, и снова воцарилась мёртвая тишина.

Не в силах больше выносить неизвестность, он обулся, оставив на засыпанном пылью полу цепочку следов, и бросился к выходу. Створка люка была открыта, впуская в подвал ровный квадрат синего неба.

— Вэйшэн?!

Решив, что тот просто ушёл слишком далеко и не расслышал, он стал карабкаться по лестнице, внезапно осознав, как сильно боится остаться один.

Он не мог вытерпеть в этой пустоте больше ни секунды.

Выбравшись наружу, он замер. Переулок Цветочной Чашечки исчез. Насколько хватало глаз, не уцелело ни единого дома — кругом простирались лишь груды битого кирпича и пепла. В глубоких ямах от лап исполинских тварей скопилась кровь, успевшая застыть тёмно-багровым желе.

Где же Вэйшэн? Цан Доушань завертел головой и шагах в ста впереди заметил фигуру, копошащуюся в обломках. Подойдя ближе, он узнал его.

Тот раскапывал заваленный колодец. Заметив Цан Доушаня, он хрипло крикнул:

— Помоги скорей, надо достать воды.

Цан Доушань применил заклинание, превратив колодезную воду в лёд. Они вытащили ледяную глыбу и тут же растопили её обратно. Вэйшэн, бережно неся полную плошку, поспешил к полуразрушенной стене, у которой сидел человек. Судя по доспехам, это был простой солдат — совсем ещё мальчишка, с ног до головы покрытый грязью и запёкшейся кровью.

— На, попей, полегчает, — зашептал Вэйшэн, поднося плошку к его губам. По воде пошла рябь, окрашиваясь струйками сочившейся с лица раненого крови.

Юноша хрипло, тяжело задышал и припал к чаше. От этого усилия глубокая рана у него на шее разошлась, и оттуда хлынула кровь. Но солдат словно ничего не замечал — терзаемый невыносимой жаждой, он в несколько глотков осушил плошку, после чего бессильно уронил голову на грудь и затих.

Вэйшэн застыл на мгновение, затем медленно поднялся и отшвырнул плошку в сторону:

— Ну, по крайней мере, умер не от жажды.

Стоя спиной к Цан Доушаню, он с силой пнул валявшийся под ногами обломок кирпича.

Вокруг царило гробовое молчание.

Ни единого звука.

— Наше добро... ты всё вытащил?

— Нет, всё внизу осталось.

— Забирай, и уходим.

В двенадцатый год правления под девизом Гаолэ династии Дацзин на северо-западе вспыхнул мятеж. Всего за полмесяца армия бунтовщиков стремительно продвинулась на восток, захватив и дочиста разорив тридцать четыре города. У стен префектуры Ниншань разыгралось кровопролитное сражение: правительственные войска пять дней и пять ночей вели ожесточённые бои. Потеряв десятки тысяч солдат, имперская армия одержала пиррову победу, но сама префектура Ниншань превратилась в пепелище.

Когда мятежники прорывали оборону префектуры Ниншань, Цан Доушань и Вэйшэн наблюдали за этим с далёкого холма. Они воочию увидели исполинских тварей, которые до этого сравнивали с землей переулков Цветочной Чашечки. Чудовища, казавшиеся грубо слепленными из уродливых кусков гниющей плоти, выглядели неопишимо мерзко. Высокие крепостные стены не были для них преградой — твари просто громоздились друг на друга, без труда переваливая через парапеты.

Префектура Ниншань служила главной житницей династии Дацзин. Здесь хранились миллионы цзиней зерна, а от её врат вела прямая дорога к столице. Овладев этим оплотом, мятежники не только решали проблему со снабжением, но и получали открытый путь к сердцу династии.

Будучи важнейшим военным узлом, город обладал превосходной защитой и сумел выстоять под напором огромной армии целых пять суток.

Босс Хуан, госпожа Цинхэ, утончённые дамы, блиставшие на званых обедах, и баснословно богатые торговцы благовониями — все они укрывались за этими стенами. И теперь, когда мятежники заполнили улицы Ниншани, кошмар Вэньцзиня должен был повториться. Вэйшэн вдруг негромко произнес:

— Я забыл рассказать тебе одну вещь.

— Какую?

— Помнишь лодку, на которой мы плыли в волость Юнсин?

Цан Доушань тут же вспомнил тощего незнакомца в чёрном балахоне, и у него по спине пробежал холодок:

— Помню. Что с ним?

— Этот человек был наёмным заступником босса Хуана, — признался Вэйшэн. — Старый развратник велел ему похитить тебя, но тот практик посчитал подобное поручение слишком грязным и нарочно позволил нам уйти.

— Значит, когда он потом сам явился к нам... — Цан Доушань мгновенно побледнел.

— Того мастера старый мерзавец выгнал, а на его место взял Ду Лянгуна. — Вэйшэн посмотрел на объятую дымом префектуру и ядовито усмехнулся: — Теперь они все заперты там и ждут смерти. Жаль, нельзя пробраться внутрь и пожить их добром напоследок.

Цан Доушаню стало не по себе. В конце концов, госпожа Цинхэ немало сделала для расцвета Обители Бессмертного Чайника — без её покровительства они бы никогда не наладили торговлю.

— Я просто не стал рассказывать тебе всего, — покачал головой Вэйшэн. — К делам Павильона Одной Звезды госпожа Цинхэ тоже приложила руку. Они со старым Хуаном давние знакомцы и стоят друг друга. Одним миром мазаны.

Цан Доушань промолчал, мгновенно растеряв остатки жалости.

Было ещё много грязных тайн, но... ладно, незачем забивать себе ими голову.

Дорога от префектуры Ниншань до столицы была сносной, но невыносимо долгой.

К тому же разыгралась метель.

Беженцев, спасавшихся от войны, на тракте становилось всё больше. После каждой морозной ночи на обочинах оставались лежать окоченевшие ледяные изваяния. Выжившие топили снег, голыми руками разрывали мёрзлую землю, пытались выковырять хоть какие-то корни. Вся кора с придорожных деревьев и сухая трава были съедены дочи́ста. Когда в разгар суровой зимы закончилось и это, люди принялись есть землю. А когда не осталось даже пригодной в пищу белой глины, несчастным осталось лишь...

Вэйшэн благоразумно припас изрядное количество сушёного батата. Пусть в мирное время это считалось лишь лакомством, сейчас оно спасало от голода.

Но высушенные ломтики были жёсткими, разжёвывать их приходилось с трудом. Спустя несколько дней такой диеты Цан Доушань начал с тоской вспоминать сочного жареного поросёнка и спелых фруктов.

— Да я и сам бы не отказался, молодой господин, — сокрушённо вздохнул Вэйшэн. — Да только откуда им взяться в такую стужу? Клянусь, если увижу хоть одно плодовое дерево, тут же срублю его и оберу до единой веточки ради тебя.

Озябший Цан Доушань непрестанно переминался с ноги на ногу и тёр ладони. Ему было не до шуток:

— Нам бы хоть немного разнообразить еду. От этого батата у меня скоро весь рот занемееет.

Вэйшэн осторожно огляделся по сторонам. Вокруг расстилалась бескрайняя, угрюмая пустошь.

— Следи за дорогой, — негромко сказал он. — У меня припрятан свежий батат.

Цан Доушань просиял:

— Свежие клубни? Что же ты раньше молчал!

— Так ведь кругом голодные люди, отнимут вмиг, — проворчал Вэйшэн. Он собрал немного сухих веток и листьев, развёл костерок и закопал клубни в золу.

Поддерживать огонь с помощью духовных сил на пронизывающем ветру оказалось непросто. К тому времени как батат испёкся, Вэйшэн растратил добрую половину своей духовной энергии.

Зато печёный батат оказался горячим, рассыпчатым и невероятно сладким. Каждый укус дарил ощущение неподдельного тепла. Цан Доушань, обжигаясь и дуя на пальцы, в мгновение ока умял все пять клубней.

Немного утолив голод, они уселись поближе друг к другу. Погружение в медитацию позволяло хоть ненадолго унять пронизывающий холод, пусть даже облегчение было едва заметным.

На следующее утро над горизонтом поднялось холодное солнце, возвещая о начале нового дня пути.

<http://bllate.org/book/18329/1865057>